

ДУХОВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ Л. Н. ТОЛСТОГО: ХРОНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Ю.Л. ОРЕХАНОВ (свящ. Г. Ореханов)

*Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
г. Москва*

e-mail: ogeorgo@pstbi.ru

В статье священника Г. Ореханова рассматривается проблема так называемого духовного переворота Л. Н. Толстого, который относится к концу 70-х – началу 80-х годов XIX века. Автор показывает, что переворот был вызван рядом причин объективного и субъективного характера. В статье уточняются некоторые хронологические детали данного события, а также делаются выводы о его роли в дальнейшем противостоянии писателя с Русской Православной Церковью.

Ключевые слова: христианство, Л. Н. Толстой, духовный переворот, особенности.

Вопрос о так называемом духовном перевороте Л. Н. Толстого имеет принципиальное значение в исследовании духовной биографии писателя. С одной стороны, это событие привело к кардинальным изменениям в жизни Л. Н. Толстого, которые им самим квалифицировались как новое рождение и начало христианской жизни. С другой стороны, результатом переворота стало резкое изменение отношения Л. Н. Толстого к Церкви, которое можно квалифицировать как подчеркнуто-критическое. Задача данной статьи – дать объяснение этому парадоксальному событию, имевшему глобальные последствия для всей русской культуры, а также внести уточнения в его хронологические детали.

В апреле 1878 г. писатель после долгого перерыва участвует в говении, исповедуется и причащается. Именно этот эпизод впоследствии был им описан в «Исповеди».

В своих воспоминаниях все близкие Л. Н. Толстому лица подчеркивают неожиданный характер переворота, свершившегося в писателе. В частности, гр. А. А. Толстая указывает, что вдруг в 1878 г. он является проповедником чего-то совершенно нового, с чем графиня уже никак согласиться не может: отрицание Божественности Христа и испугательного характера Его подвига.

Тем не менее, хотя его отношение к Евхаристии становится проблемным, в целом интерес к православию не иссякает, причем, как указывает Н. Н. Гусев, имея в виду хронологически первую половину 1879 г., Л. Н. Толстой «переживал тогда такой подъем религиозного чувства, до которого он, быть может, уже не доходил во всю свою дальнейшую жизнь», продолжая верить, что учение Церкви есть истина¹.

Многие близкие Толстому люди подчеркивают именно эту неожиданность в переходе писателя к новым взглядам. По-видимому, она не давала покоя В. В. Розанову, который неоднократно писал о разрыве с Церковью Л. Н. Толстого как о личной тайне писателя: «...что-то случилось, чего мы не знаем»². В статье «Из воспоминаний и мыслей о К. П. Победоносцеве», опубликованной 26 марта 1907 г. в «Новом времени», В. В. Розанов указывает, что настоящая причина «нервного и озлобленного» расхождения Л. Н. Толстого с Церковью кроется в каком-либо интимном и частном обстоятельстве жизни писателя, в незаметной, но очень существенной черте биографии, о которой «он никогда и никому не рассказывал»³. Это тем более примечательно, что сам В. Розанов,

¹ Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М., 1963. С. 559–560.

² Розанов В. В. Гр. Л. Н. Толстой // Розанов В. В. О писателях и писательстве. М., 1995. С. 33; см. также: Розанов В. В. По поводу одной тревоги гр. Л. Н. Толстого // Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 409.

³ Цит. по: Дмитриенко С. Ф. Толстой Лев Николаевич // Розановская энциклопедия. М., 2008. Стб. 1008., Стб. 1009.

гораздо позже, уже после опубликования синодального определения от 20–22 февраля 1901 г., посетив писателя в Ясной Поляне, вынес из этого визита твердое убеждение, что Л. Н. Толстой прекрасно отдает себе отчет в том, что все самое ценное лично для него в душе русского человека создано Православной Церковью⁴. Именно поэтому В. Розанов назвал выступление писателя против Церкви «мелкой правдой».

В письме гр. А. А. Толстой, датированном февралем 1880 г., Л. Н. Толстой уже вполне определенно говорит о своей неспособности разделить веру Церкви⁵. Во время встречи в 1882 г., т. е. приблизительно за год до знакомства с В. Г. Чертковым, гр. А. А. Толстая вынуждена выслушивать от своего племянника в приступе «бешеного пароксизма» поток кощунственных издевательств «над всем, что нам дорого и свято», причем сам писатель производил на нее впечатление одержимого человека⁶.

Благодаря недавно обнаруженным архивным документам имеется возможность более-менее точно установить, когда Л. Н. Толстой причастился последний раз в жизни. В 1941 г. сотрудником усадьбы «Ясная Поляна» А. Н. Володичевой были сделаны выписки из исповедной книги села Кочаки – семейного храма многих поколений Толстых⁷. Выписка А. Н. Володичевой подтверждает информацию Н. Н. Гусева о том, что это событие имело место между 1877 и 1881 гг.

Аналогичными материалами мы располагаем и в связи с другой приходской церковью, уже московской, – Знамения близ Девичьего поля, недалеко от хамовнического дома семьи Толстых⁸.

Осенью 1879 г. (конец сентября, 1 и 2 октября) Л. Н. Толстой встречается в Москве с авторитетными в богословской среде иерархами – митр. Макарием (Булгаковым) и еп. Алексеем (Лавровым-Платоновым), а в начале октября 1879 г. в Троице-Сергиевой лавре с архим. Леонидом (Кавелиным), а также совершает поездку в Киево-Печерскую лавру.

Хорошо известно, что эти встречи не повлияли на общее настроение Л. Н. Толстого – на почве переворота рождаются первые религиозно-философские трактаты писателя.

В ноябре 1879 г. Л. Н. Толстой работал над большим сочинением философского содержания, которое не имеет названия и до сих пор полностью не опубликовано. Эта рукопись объемом 106 листов, разбитая на пять глав, хранится в ОР ГМТ, из этого сочинения родились все последующие философские трактаты писателя.

Первым из таких трактатов (если не учитывать «Исповедь») было сочинение, посвященное критике православного догматического богословия в том варианте, который был изложен в книге известного русского историка Церкви и богослова владыки Макария (Булгакова), в будущем московского митрополита (1879–1882).

Книга владыки Макария была обработкой лекций СПбДА, которые затем издавались в журнале «Христианское чтение». В 1847 г. вышло отдельной книгой его «Введение» в систему богословия, а в 1848 г. стала издаваться сама «система», это издание продолжалось на протяжении пяти лет. «Догматика» владыки Макария была первым сочинением на русском языке такого масштаба: в ней был собран огромный, богатый и строго систематизированный материал. Безусловно, в этой работе автор активно пользовался источниками западного происхождения, но это было совершенно неизбежно, так как только на Западе, в частности в протестантских и католических компендиумах, можно

⁴ Цит. по: Дмитренко С. Ф. Толстой Лев Николаевич // Розановская энциклопедия. М., 2008. Стб. 1008., Стб. 1009.

⁵ См.: Переписка Л.Н. Толстого с гр. А. А.Толстой. 1857 – 1903. СПб., Т.1. 1911. С. 326 и далее. С. 28.

⁶ Там же.

⁷ Отдел рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ). Ф. 1. № 39748. Выписки из исповедальной книги церкви села Кочаки. Записи об исповеди Л. Н. Толстого и его семьи с 1869 по 1905 г. Нумерация листов отсутствует. Машинописная копия.

⁸ ОР ГМТ. Ф. 1. № 39627. Выписки из исповедальной книги церкви Знамения близ Девичьего поля Пречистенского сорока в Москве. Записи об исповеди Л. Н. Толстого и его семьи с 1882 по 1894 г. Рукописная копия. Л. 1–2.

было получить для такой грандиозной работы всю необходимую информацию, в первую очередь симфонию библейских текстов и собрание святоотеческих цитат.

Как отмечает прот. Г. Флоровский, книга владыки Макария изначально не была произведением самостоятельным, оригинальным и творческим, в определенном смысле она задумана именно как энциклопедия богословских знаний, которая будет облегчать работу богословов и позволит им быстро найти и сопоставить нужные тексты: «Он словно и не подозревает, что эти тексты и свидетельства нужно возвести к живому догматическому созерцанию, к опыту духовной жизни»⁹. По мнению прот. Г. Флоровского, в работе владыки Макария полностью отсутствует богословская смелость и пытливость, живое чувство связи догматического опыта Церкви с духовным опытом, к которому владыка Макарий, похоже, проявлял равнодушие. Неслучайно в жизни он имел репутацию церковного либерала и большого трудолюбца (за что, между прочим, получил очень похвальный отзыв в «Мелочах архиерейской жизни» Н. С. Лескова). Этот либерализм своеобразным образом совмещается с «бюрократизмом» «в манере писать и излагать»: «В его догматике недостает именно «церковности». Он имеет дело с текстами, даже не со свидетельствами, не с истинами. Потому так безжизненно и неубедительно его изложение, внутренне неубедительно. Это одни ответы без вопросов, потому они и не отвечают, что ни о чем не спрашивается»¹⁰. Такой подход только создает видимость объективности, отстраненности, которая реально в таком сложном и ответственном вопросе, как изложение православного вероучения, переходит в «объективность от равнодушия». Такой род объективности вполне приемлем, когда речь идет об идеологически нейтральных исследованиях, но в ситуации с первым на русском языке столь подробным и обширным курсом систематического богословия он таил большую опасность. Неслучайно книга владыки Макария вызвала ряд негативных оценок со стороны владыки Филарета (Гумилевского), А. С. Хомякова, Н. П. Гилярова-Платонова, который назвал сочинение Макария не богословием, а только книгой, «ремесленным изделием»¹¹. Самый резкий отзыв об этом сочинении принадлежит прот. Иоанну Соколову, преемнику владыки Макария на посту ректора СПбДА: он говорит о том, что тысячные цитаты автора догматики только способствуют притуплению голов, в его книге отсутствует всякая светлая мысль, свежий взгляд, доказательность, всякая внутренняя сила. В этом смысле наиболее точно определил недостаток книги митр. Макария В. В. Розанов: это «богословствование из книги в книгу», т. е. переписывание из одной богословской системы (инославного происхождения) в другую¹².

В чем существеннейший недостаток такого рода богословствования, указывает проф. КазДА П. В. Знаменский. Он подчеркивает, что русская богословская наука оказалась не готова к ответственным вызовам 1860-х гг. Всецело соблюдая целостность Православия, академическое богословие не допускало не только отступления от имеющихся определений и формул догматического характера (которые, заметим, часто были некритично восприняты с Запада и несли на себе глубокую печать схоластики и юридизма), но даже не допускало каких-либо подвижек в терминологии. Академическая наука «боязливо останавливалась перед всяким проявлением самостоятельной мысли и каким-нибудь новым выводом из тех же освященных давним церковным употреблением формул»; при этом «прикладное», практическое богословие пребывало «в одних высших сферах совершенно отвлеченной, ни к кому и ни к чему в частности не относящейся морали»¹³.

Л. Н. Толстой, человек с очень тонким, можно сказать, обостренным художественным чутьем, к тому же никогда не отличавшийся особенной любовью к абстрактной

⁹ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991 [репринт: Париж, 1937]. С. 222.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² См.: Розанов В. В. Литературные изгнанники. Н. Н. Страхов. К. Н. Леонтьев. М., 2001. С. 337.

Примеч. 2.

¹³ Знаменский П. В. Богословская полемика 1860-х годов об отношении православия к современной жизни. Казань, 1902. С. 4–5.

«учености», даже в особо выдающихся масштабах не мог не почувствовать именно этой слабой стороны в книге митр. Макария.

Очень характерно замечание В. В. Розанова 1913 г., он говорит о том, что богословие Макария в конце 70-х – начале 80-х гг. никто, кроме самого Толстого, «не считал сколько-нибудь серьезной книгой», причем критика писателя была бы смешна в глазах славянофилов, с которыми (названы Н. П. Гиляров-Платонов и А. С. Хомяков) и следовало бы бороться писателю¹⁴. Фактически это же подтверждал в 1901 г. и бывший единомышленник писателя М. А. Новоселов, который в своем открытом письме Л. Н. Толстому посветовал на то, что последнему пришлось знакомиться с христианским богословием по руководству митр. Макария, а не приобщиться «на первых порах к более жизненной и животворящей мысли богословов-подвижников»¹⁵.

На почве нового мировоззрения и критики догматической системы митр. Макария рождается ряд известных философских трактатов писателя, в которых Л. Н. Толстой излагает суть своего представления о религии. Эти произведения составляют как бы некоторую систему и связаны с отдельными аспектами этой системы: «Исповедь» – история духовного переворота, «Критика догматического богословия» – изложение «системы» взглядов Л. Н. Толстого, а точнее, достаточно агрессивная критика православного вероучения, наконец, – это толстовский новый «перевод» Евангелия. Следует подчеркнуть, что с точки зрения отношения писателя к Церкви и ее учению все последующие работы Л. Н. Толстого фактически только уточняют те или иные мысли, изложенные в перечисленных сочинениях. Конечно, это вовсе не означает, что его религиозные взгляды не менялись: как уже указывалось выше, они претерпевали постоянные изменения, но вовсе не в вопросе своей антицерковной направленности.

История издания религиозно-философских трактатов Л. Н. Толстого крайне интересна. В первую очередь это касается «Исповеди». Работа над этим сочинением началась в 1875 г., первая попытка его издания в России в 1882 г. была неудачной. Рукопись Л. Н. Толстого была представлена в редакцию журнала «Русская мысль» в апреле 1882 г., но затем была передана в духовную цензуру. Московский митрополит Макарий (Булгаков), с которым, как было сказано, писатель незадолго до этого встречался, по видимому, не хотел запрещать это сочинение, но и не решался его пропустить. В конечном счете рукопись была передана прот. Н. А. Сергиевскому, который в беседе с Н. Н. Бахметьевым, в то время сотрудником редакции «Русской мысли», назвал это сочинение захватывающим, но указал на имеющиеся затруднения по ее печатанию. Интересно, что в своих воспоминаниях Н. Бахметьев называет прот. Н. Сергеевского «священником-оппортунистом»¹⁶. Только в 1884 г. «Исповедь» Л. Н. Толстого была напечатана в Женеве, а в 1885 г. появился ее перевод на английский язык, сделанный В. Г. Чертковым.

Трактат Л. Н. Толстого «Критика догматического богословия» готовился в последние месяцы 1879 г. и в первоначальном виде был закончен в марте 1880 г., однако затем, не в последнюю очередь под влиянием встречи с В. Г. Чертковым, последовала еще одна переработка. Но выпущен в свет этот трактат был только в 1896 г. в первом бесцензурном зарубежном издании.

Очень характерно, что главный мотив толстовской критики догматического богословия – соотношение церковной веры и современного научного знания – повторяется во многих произведениях вполне церковных авторов. Можно указать в этой связи, например, на выступление в 1906 г. будущего священника, а тогда еще студента МДА П. Флоренского, который подчеркивал, что живая жизнь русского общества идет вне церковного вероучения, а вероучение идет вне жизни, ибо православные писатели от-

¹⁴ Розанов В. В. Указ. Соч. С. 80. Примечание.

¹⁵ Новоселов М. А. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому от бывшего его единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода (1901) // Духовная трагедия Льва Толстого. М., 1995. С. 216.

¹⁶ Бахметьев Н. Н. Л. Н. Толстой и цензура в 80-х годах // Новое время. 1908. № 11694 (1 октября).

стают от духовных потребностей своих читателей: «...интимнейшие волнения в необъятной шири духа – оказались вне этого вероучения»¹⁷. Здесь, правда, пути Л. Н. Толстого и П. Флоренского кардинально расходятся: с точки зрения последнего, современное ему общество сдает «жажда по догматике», стремление найти эти «интимнейшие волнения» облеченными в строгую интеллектуальную форму, потребность «в закреплении переживаний посредством их схематизации»¹⁸, рефлексии. С точки зрения Л. Н. Толстого, всякая попытка построения догматической системы есть бессмыслица, игра в «басни», которым современный образованный человек верить не может.

Несколько слов нужно сказать о сочинениях Л. Н. Толстого, связанных с критикой синодального перевода евангельского текста. Эти опыты, безусловно, имели особое значение для Л. Н. Толстого – ведь от того, насколько убедительной была его критика церковного понимания Евангелия, зависело восприятие его критики церковной догматики.

В работе над евангельским текстом Л. Н. Толстого проявилась характерная тенденция – освободить Евангелие от «вековых наслоений», от всего того, что, по мнению писателя, в течение долгого промежутка времени содействовало искажению первоначального намерения Христа и евангелистов – дать людям простое и понятное учение. Этот мотив подробно и детально освящен в очень интересном письме Н. Н. Страхова И. С. Аксакову, где автор письма говорит о стремлении Л. Н. Толстого восстановить «человеческой тон» евангельского повествования, который оно первоначально имело: «Если Царство Небесное может водвориться *внутри нас*, то смысл его должен выражаться нашей обыкновенной речью»¹⁹.

Однако проблема заключается в том, что, даже если принять тезис Н. Н. Страхова, понятно, что простая и понятная речь Евангелия – это не русская речь, а древнегреческий язык определенной исторической эпохи. Домашний учитель детей Л. Н. Толстого И. М. Ивакин, по образованию филолог-классик, оставивший о писателе очень ценные воспоминания, довольно однозначно свидетельствует, что Л. Н. Толстой греческий язык знал очень плохо, и дополняет это свидетельство описанием многочисленных случаев, когда писатель обращался к нему, тогда еще студенту, с самыми элементарными вопросами²⁰. И. М. Ивакин делает очень интересное примечание: часто, желая «подогнать» текст под свою концепцию, Л. Н. Толстой искал в словаре некоторые специальные значения того или иного слова, но, совершенно не будучи знаком с так называемыми критическими методами исследования текста, он никогда не задавался вопросом о допустимости в конкретном случае найденного перевода, лишь бы он служил подтверждением его собственного понимания евангельского текста. Ивакин подчеркивает, что в первую очередь Л. Н. Толстой имел в виду только нравственную сторону своего собственного учения, причем Евангелие обязано было только подтвердить взгляды писателя, иначе Л. Н. Толстой «не церемонился и с текстом». «При всем моем благоговении к нему, я с первого же шага почувствовал натяжку. Иногда он прибегал из кабинета с греческим Евангелием ко мне, просил перевести то или другое место. Я переводил, и в большинстве случаев выходило согласно с общепринятым церковным переводом. «А вот такой-то и такой-то смысл придать этому нельзя?» – спрашивал он и говорил, как хотелось бы ему, чтоб было... И я рылся по лексиконам, справлялся, чтобы только угодить ему, неподражаемому Л[ьву] Н[иколаевичу]»²¹.

О плохом знании древних языков Л. Н. Толстым свидетельствует и известный русский богослов, специалист по библеистике проф. Н. Троицкий, который встретился случайно с Л. Толстым в вагоне поезда зимой 1885 г. Из описания этой встречи выясня-

¹⁷ Цит. по: Антонов К. М. Философия религии в русской метафизике XIX – начала XX века. М., 2008. С. 274–275. С. 276.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Аксаков И. С. – Страхов Н. Н. Переписка. Оттава; М., 2007. С. 135.

²⁰ См.: Ивакин И. М. [Воспоминания о Толстом] // Литературное наследство. Т. 69: Лев Толстой / АН СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М., 1961. Кн. 2. С. 34 и многие другие места.

²¹ Там же.

ется, что Л. Н. Толстой при подготовке своего перевода Евангелия совершенно не был знаком ни с критическими трудами по предмету, ни со специальными сочинениями филологического характера. Проще говоря, писатель, будучи человеком образованным и прекрасным автодидактом, к тому же проявляя в изучении предмета большое личное усердие, просто не учел того обстоятельства, что работа по переводу Евангелия требует специальной и очень сложной богословской, филологической и исторической подготовки, которая продолжается фактически десятки лет и может быть в современных условиях осуществлена только академическим путем, т. е. в университетских стенах или в стенах духовной академии.

В ходе беседы с Н. И. Троицким выяснилось, что еврейским языком Л. Толстой занимался с М. В. Никольским и продвинулся до глав книги Бытия, где говорится об Аврааме. Далее говорится о том, что в 1884 г. Л. Толстой в Париже слушал лекции Э. Ренана и был прельщен их талантом и художественностью, но не смог критически отнестись к содержанию лекций. Так как Ренан требовал от своих слушателей знания еврейского текста Библии, Толстой взялся за изучение греческого и еврейского языка, но серьезно в этом вопросе не продвинулся. Писатель не был знаком с так называемыми критическими изданиями Нового Завета, без которых предпринимаемая им работа становилась абсолютно бессмысленной – ни один из названных Н. И. Троицким авторов (Рейнекций, Лахман, Штир, Тейле и даже Константин Тишендорф) не были известны Л. Н. Толстому. Кроме того, писатель, пользуясь самыми современными греческими словарями («лексиконами»), совершенно не учитывал особенностей так называемого языка «койне», имеющего существенные различия с языком классических писателей, а ведь Евангелие написано именно в традиции «койне», поэтому Л. Н. Толстому был неизвестен столь опасный именно в древних языках известный эффект слов – «ложных друзей переводчика», которые, имея стандартное значение в классической традиции, имеют совершенно иное семантическое поле и коннотации в тексте Евангелия, на что и обратил внимание писателя Н. И. Троицкий в связи с богословски столь значимым термином «благодарить»²².

Толстовский подход к «переводу» Евангелия был настолько искусственным, что иногда даже ставил в тупик ближайших последователей писателя: когда в 1895 г. обсуждался вопрос о переводе «Краткого изложения Евангелия» на английский язык, В. Г. Чертков в письме обратился к Толстому с вопросом, как быть с интерпретацией писателем главы 10 Евангелия от Иоанна, в которой, чтобы полностью избежать какого-либо намека на чудо, совершаемое Христом, писатель заменил телесное прозрение слепорожденного, освобождение от слепоты, на духовное просвещение: в интерпретации Л. Н. Толстого Господь не сделал слепого зрячим, не дал ему зрение, а духовно его просветил, открыл темному свое учение. На это В. Чертков спрашивает, как же тогда быть с началом главы 10, где говорится, что слепец был темен от рождения, он же не мог быть просвещен от рождения. В ответ на это письмо Л. Н. Толстой указывает, что в английском переводе придется употребить слово *blind*, т. е. именно «слепой». Этот ответ привел В. Г. Черткова в еще большее недоумение: он написал Л. Н. Толстому, что его ответ очень смущает его, ведь в таком случае «выходит чудо», которое противоречит настойчивому желанию писателя избежать всего чудесного: «Чувствую, что это послужило бы большим соблазном, ибо если в одном месте оставить чудо, то это было бы оправданием для восстановления их везде, где захочется» (ПСС. Т. 87. С. 351–352, 356). На это писатель ответил, что не может вдуматься в обсуждаемое место Евангелия и поэтому оставляет за В. Г. Чертковым право делать, как он знает, но при этом, «разумеется, надо, чтобы не было возможности объяснить чудом» (ПСС. Т. 87. С. 356)²³.

²² Троицкий Н. Кто он?.. Моя встреча с графом Л. Н. Толстым // Вера и Церковь. 1903. Т. 1. Кн. 1. С. 125. С. 133–134.

²³ Очень жесткой критике манера Л. Н. Толстого в изложении евангельских истин подверглась в письме Н. Н. Страхова к И. С. Аксакову. Н. Н. Страхов здесь называет труд писателя «крайне безобразным», не «переводом», а «перефразом», но подчеркивает, что «по сущности дела, и по отношению к евангельскому тексту тут есть и ценное, и даже бесценное» (Аксаков И. С. – Страхов Н. Н. Переписка. Оттава; М., 2007. С. 134).

Интересно, что впоследствии писатель, по всей видимости, прекрасно понял, в чем заключается неубедительность его построений, так как в письме В. Г. Черткову от 26–28 марта 1902 г. он просит последнего предпослать предполагающемуся английскому изданию «Соединения и перевода четырех Евангелий» небольшое предисловие, в котором будет сказано, что в этой книге имеется много лишнего, «в особенности все филологические необычные толкования греческих слов в таком смысле, чтобы они отвечали общему смыслу» (ПСС. Т. 88. С. 258). Далее Л. Н. Толстой указывает, что писал эту книгу под впечатлением того восторга, который его охватил, когда, казалось, ему открылся истинный смысл евангельского учения – не того сложного учения, которое преподается Церковью, а того простого, которое может быть понятно всем людям. С этой точки зрения все Евангелие делится на две части: мысли «понятные» и мысли «темные». Так вот, в 1902 г. Л. Н. Толстой признает, что в этот период жизни предпринял попытку «придать и темным местам подтверждающее общий смысл значение. Эти попытки вовлекли меня в искусственные и, вероятно, неправильные филологические разъяснения, которые не только не усиливают убедительность общего смысла, но ослабляют ее» (ПСС. Т. 88. С. 259).

В то же самое время Л. Н. Толстой был убежден в том, что его понимание Евангелия является правильным и гораздо точнее «церковного» – в 1890 г. в беседе с К. Н. Леонтьевым в Оптиной пустыни Толстой указывал, что сам пьет «чистую Евангельскую воду», а К. Леонтьев, пребывающий в монастыре, пользуется монашеской «воронкой»²⁴.

В дальнейшем в ряде своих сочинений Л. Н. Толстой уточняет те или иные аспекты своей доктрины. В 1884 появляется трактат «В чем моя вера?», в 1886 – «Так что же нам делать?», в 1887 – «О жизни», в 1891–1893 – «Царство Божие внутри вас», в 1897 – «Что такое искусство?», наконец, в 1899 – роман «Воскресение», выход которого послужил формальным поводом к обсуждению в очередной раз вопроса об отлучении писателя от Церкви.

Следует подвести итог.

Духовный переворот Л. Н. Толстого, приведший впоследствии к его конфликту с Церковью, был связан с рядом важных субъективных и объективных факторов. В окружении Л. Н. Толстого всегда были лица, стремившиеся оказать влияние на писателя и помочь ему в его напряженных религиозных поисках. Эти попытки завершились неудачей: к началу 1880-х гг. писатель фактически окончательно порывает с Православием, а в его трактатах, задуманных или частично уже написанных, содержатся все те идеи, которым он не изменял до конца своей жизни. Конфликт писателя с Церковью приобретает характер агрессивного противостояния.

L.N.TOLSTOY'S SPIRITUAL REVOLUTION: CHRONOLOGY AND PECULIARITIES

Yu.L. OREKHANOV
(Priest G. OREKHANOV)

*Orthodox St. Tikhon Humanitarian
Academy, Moscow*

e-mail: ogeorgo@pstbi.ru

In the article of Priest G.Orekhanov considers the problem of so-called L.N.Tolstoy's spiritual revolution which dated back to the end of 70-s – the beginning of 80-s years of the XIX-th century. The author shows that the revolution was caused by a number of the reasons of objective as well as subjective character. In the article some chronological details of the given event are specified, and also conclusions concerning its role in the further opposition of the writer with the Russian Orthodox Church are made.

Key words: Christianity, L.N.Tolstoy, spiritual revolution, peculiarities.

²⁴ К. Н. Леонтьев. Из эпистолярного наследия. Письмо к Г. И. Филиппову / Публ. и примеч. Г. М. Кремнева // Трибуна русской мысли. 2002. № 3. С. 123.